

Знала Душечка зачем приехал Август Августович. Три дня, как у гадалки была. Ясно карты пали: по ранней дороге в скорости перемена жизни и интерес от марьяжного короля через бубновую десятку. Только и ответила:

— А любить будете?

Не голосом, а сгустком страсти крикнул:

— Ох, как...

И жеманул пойманную Душечкину руку. Экстазно жеманул—аж пальцы затрещали и на глазах у Душечки, не то от боли, не то от радости, показались слезы.

Узнал после Август Августович, что была Душечка в чьих-то руках до него, раздул было ноздри до ушей, да вспомнил „про ноги циркулем“, про „старого коня“ и „борзду“ и ничего не сказал.

И зажили ..

С расчетцем зажили: из трех рублей—рубель на еду, на одежду, и рублик в банк на черный день и самым милым рубликом—был рублик банковский.

Лоскут 6-й. Как бывало.

Приятно жилось Августу Августовичу. На службе перед ним лебезил сам директор:

— Нельзя-ли, Август Августович, неучтенным сахарком мешка досыпать... В складе рабочие порвали...

Сдвинет брови Август Августович к переносице и низко, с трещинкой:

— Нельзя... По инструкции не допускается...

А сам совою смотрит.

Потирает руки директор, вьюном вьется, дымом растилается:

— Что вам стоит... Инструкция—инструкция... А вы без инструкции...

Еще ближе брови сойдутся:

— Ясно, ведь, сказано—не допускается...

Или бывало сторож:

— Господин арцизный! Директор приказал в кабинет явиться.

Резко, резко:

— Скажи, что я ему не подчиненный и приказывать мне он не имеет никакого права...

А через несколько минут опять:

— Ваше благородие! Я не так сказал: Директор просил Вас пожайлуста зайтить к яму.

Важно так:

— Это другое дело. Скажите, что упаковку бросить не могу и если ему нужно, пусть сам зайдет.

Так-то было. Здорово важничал Август Августович, умел важничать.

Лоскут 7-й. 18-й год.

Без мрачных лоскутов тачалось одеяло до-революционное.